

Номинации лиц с суффиксом **-in** как отражение процесса феминизации в германском обществе

В современном немецком языке сложилась ситуация, для которой характерно резкое увеличение количества женских наименований, достигнутое за счет эксплицитной деривации соответствующих существительных мужского рода с помощью словообразовательного элемента **-in**. В рамках этого многие лексемы, ранее употребляемые в качестве коллективных обозначений в форме мужского рода, все чаще приобретают морфологический маркер женского рода **-in** и перерождаются в прежде несвойственные для немецкого языка образования типа *der Amtmann – die Amtmännin*, *die Mitglieder – die Mitgliederin*, *der/die Beamte – die Beamtin*, *der Soldat – die Soldatin* и т. д. Языковая диспропорция между мужским и женским полом, существовавшая в немецком языке в более раннее время, выровнялась, в результате чего существительные женского рода, обозначающие род занятий или профессию, получили четкий феминистический отпечаток.

Исследователи, занимающиеся осмыслением данных процессов, объясняют это тем, что здесь имеет место закрепление в системе языка самостоятельности и роли женщины в германском обществе. Ю. М. Шемчук, в частности, констатирует, что строй немецкого языка вынужден ориентироваться на эмансипацию и равноправие женщин ввиду возросшей активности сторонников женской независимости [4, с. 83–84]. Журналист и исследователь немецкого языка Б. Зик пишет по этому поводу следующее: «*In anderen Ländern mag es zweisprachige Schulen und zweisprachiges Fernsehen geben, bei uns gibt es die zweigeschlechtliche Anrede. Alles, was gedruckt oder gesendet wird, wird doppelt adressiert, einmal an die männlichen und einmal an die weiblichen Empfänger*» [7, с. 169]. Проблема феминизации наименований профессий, по его мнению, перемещается в немецком языке в такую плоскость, что в угоду политкорректности это так называемое «родовое перерождение» (термин Ю. М. Шемчук [4, с. 82]) может со временем затронуть любую лексему, где отсутствует гендерная дифференциация. Например: *die Erstsemesterin*, *die Teenagerin*, *die Gläubigin*, *die Faulenzerin*, *die Schwarzfahrerin*, *die Steuerhinterzieherin*, *die Sozialschmarotzerin*, *die Negerin*, *die Schlägerin* (примеры заимствованы из статьи Б. Зика) [7, с. 168–172].

Надо сказать, что похожая тенденция прослеживается и в других языках, в частности во французском или английском, но по интенсивности отражения общественных процессов в грамматической структуре немецкий язык опережает все другие. Если носители французского языка относятся к употреблению феминизированных наименований профессий достаточно консервативно, то германское общество безоговорочно приняло принципы так называемой «феминистской» лингвистики. Процессы феминизации названий профессий или рода деятельности в немецком языке воспринимаются как что-то естественное, заложенное в нем издревле.

В условиях патриархального германского общества, когда мужчины и женщины как партнеры по речи находились на разных уровнях социальной иерархии, суффикс женского рода **-in** был распространен значительно реже и первоначально просто отражал элементарные внутренние потребности языковой системы. В древневерхненемецком языке он использовался в стандартных «мовированных образованиях» (термин Н. Ф. Филичевой), когда от соответствующих существительных мужского рода было необходимо производить существительные женского рода по типу *Wolf – Wölfin*, *Herr – Herrin* и т. д. Н. И. Филичева показывает, что этот способ словообразования уже в то время был достаточно жизнеспособным. Возникновение самого суффикса **-in** из сочетания **-n + jo** датируется еще общегерманским периодом и связано, как пишет Н. И. Филичева, с древним типом склонения существительных на согласный **-n**. Отсюда в германском появляется суффикс **-injo**, в древневерхненемецком **-in**, получивший здесь большое распространение: *kuningin – 'Königin'*, *gutin – 'Göttin'*, *friuntin –*

'*Freundin*', *gestin* – '*Gästin*', *magin* – '*Verwandte*', *scelkin* – '*Dienerin*' (примеры заимствованы у Н. И. Филичевой) [2, с. 118].

Следует учитывать, что на протяжении некоторого времени с суффиксом **-in** в древневерхненемецком языке конкурировал старый германский суффикс **-a**, который по аналогии с **-in** выступал как средство симметричного отображения в старом языке существительных женского рода. Например: *gastgebo* – *gastgeba* (Gastgeber – Gastgeberin), *ano* – *ana* (Großvater – Großmutter), *fridil* – *fridila* (Geliebter – Geliebte) и т. д. [1, с. 334]. В дальнейшем суффикс **-a** преобразовался в результате процесса редукции в **-e**, который является в современном языке признаком существительных женского рода: *die Höhe*, *die Taube*, *die Fliege*, *die Spinne*. Но продуктивность форманта **-in** была настолько высока, что в некоторых случаях он даже вытеснил этот исконный суффикс **-a(e)**: *vohe* – *füchsin* (Füchsin), *vriedele* – *vriedelin* (Geliebte, Freundin) [6, с. 293, 298].

Можно предположить, что его жизнеспособность и широкая распространенность в современном языке обусловлена тем, что в отличие от суффикса **-a** он остался нередуцированным и в таком виде прошел через многие столетия. Пока в старом германском обществе сохранялось доминирование мужского видения картины мира, немецкий язык игнорировал женщину. Женщина отмечалась в языке лишь тогда, когда этого требовал ее социальный статус соответственно историческому периоду развития общества. Например: *es war der kellerin lieb, vnd sie wolt der engel im grab sein* [3, с. 143]. Данный пример из народного романа конца 15 столетия содержит средневерхненемецкое существительное *kellerin* (Hausmagd, Kindsmagd) как производное от мужского *keller* (Kellermeister, Verwalter der Weinberge). *Kellerin* произведено с помощью форманта **-in** и называет специфический вид женской деятельности в доме, отличающейся от сугубо мужского занятия *Verwalter der Weinberge* [6, с. 105]. Речь не идет при таком изменении в словоупотреблении о стремлении отразить равноправное положение женщины в социуме и ее общественную роль, а об элементарном «мовированном» образовании в лингвистическом контексте.

Языковая тенденция обозначать женщину в контексте ее профессии или рода деятельности отсутствовала в немецком языке до самого последнего времени. Об этом свидетельствуют примеры, заимствованные из текста немецкого историка-искусствоведа Г. Дегио (начало 20 столетия), в котором фигурируют только существительные мужского рода без их переориентации на женский пол: *die Franzosen, die Niederländer, die Spanier, die Bewohner, die Gegner, der Protestant, der Katholik, der Anhänger, der Deutsche, die Dichter, die Künstler, der Flötenspieler* [5, с. 266–271]. Несмотря на то, что в перечисленных коллективных обозначениях контекстом предполагается одновременное обращение к обоим полам, мы наблюдаем так называемую гендерную языковую асимметрию, при которой единственно возможной является на тот период времени коллективная номинация. Лишь в одном случае употребляется мовированная форма существительного мужского рода *Freund*, которая вытекает из лингвистической потребности согласовать род и пол существительного *Freund* с существительным *Musik*. Например: *allen Volksteilen gleichmäßig eine **Freundin** war nur die Musik* [5, с. 271].

В таком фонетически полновесном виде формант **-in** по аналогии выступал как функциональная производная от мужских имен и на более поздних этапах развития немецкого языка. Его прочная историческая база, обусловленная внутриязыковыми причинами, была модифицирована в современных условиях экстралингвистическими факторами и привела к перестройке языка, отражающей общественные процессы. Немецкий язык, прежде фиксировавший приоритет мужского видения мира и построенный, как и все другие «мужские» языки, на гендерной асимметрии, в новейшее время демонстрирует приверженность принципам прогрессивного, несексистского языка. Несмотря на то, что такое сознательное нормирование немецкого языка утяжеляет план его выражения (ср.: *an die Gutachterinnen und Gutachter der Bewerberinnen und Bewerber um ein Stipendium der GFPS*), это является, с нашей точки зрения, в условиях социальных инноваций современного германского общества необходимым и оправданным. Тем более, что в силу наличия в немецком языке продуктивного элемента **-in**, как

давно существующего языкового резерва, сознание членов германского общества и сам язык особому давлению не подвергаются.

Список литературы

1. *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. 408 с.
2. *Филичева Н. И.* История немецкого языка: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 304 с.
3. *Чемоданов Н. С.* Хрестоматия по истории немецкого языка. М.: Высшая школа, 1978. 288 с.
4. *Шемчук Ю. М.* Феминизация лексических изменений современного немецкого языка // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова: серия «Филологические науки». 2010. № 2. С. 82–87.
5. *Bender Ernst.* Deutsches Lesebuch. Obersekunda. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. 271 S.
6. *Henschel Erich.* Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch: achtundzwanzigste Auflage / Erich Henschel, Richard Kienast. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. 344 S.
7. *Sick Bastian.* Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Folge 1. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2011. 239 S.